

Собеседник. — 1996 — № 44 — С. 23
Борис Бланк:

«Для меня нет запретных тем»

крупный план

Бориса Бланка знают как знаменитого художника кино и театра, с 1991 года — как кинорежиссера, поставившего 6 картин. Окончив ВГИК в 1963 году, он работал над великолепными фильмами «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен», «Шестое июля», «Гори, гори, моя звезда», «Мой ласковый и нежный зверь». За его плечами около 60 работ в кино и около 80 — в театре.

— После перестройки вы стали одним из самых плодотворных режиссеров, когда кинобум стал стихать. Каждый год — по фильму. А что побудило вас прийти в режиссуру?

— Однажды Владимир Наумов, руководитель студии «Союз», спросил у меня: «Боря, есть идеи?» Я ответил: «Конечно». Мне всегда хотелось свое художническое ощущение распространить на все кинопространство — сценарное, музыкальное, актерское. Создать свои художественные параметры. Существовали темы, которые только я могу реализовать — это когда изображение и пластика играют особую роль. Я люблю барочное искусство. Отсюда и темы — смерть Ивана Грозного («Кремлевские тайны XVI века»), чеховские «Три сестры» («Если бы знать»). Кино и театр для меня — параллельные жизни, и хотелось объединить их в одну мощную структуру,

где условность, театральная раскованность соединяется с уникальностью крупных планов, крепким монтажом, с кинофактурами.

— То есть, даже получив две «Ники» как художник (за фильмы «Если бы знать» и «Мать Иисуса»), вы продолжали упорно работать. Какие фильмы вы любите делать?

— Где все: среда — музыка, драматургия, актеры — и ничто не повторяет ту реальную действительность, которая, как мне кажется, не является предметом искусства.

— Реальная жизнь — не предмет искусства? Многие считают наоборот.

— Нет. Наша жизнь — не предмет искусства. Посмотрите: на улице эколог, социолог, сатирик найдет для себя что-то интересное, а взгляд художника почти не находит ничего, потому что все это сейчас суррогаты жизни. Пока не пройду раздраженности, бытовая отягощенность... Короче, мне не интересна жизнь в Черемушках.

— Вам интересна жизнь в кремлевских палатах?

— Необязательно. Это может быть, подобно «Карьере Артуро Ui», могучий, разветвленный мир подземных переходов, лестниц, ангаров.

— Ваши фильмы часто сопровождался скандалами. Вас обвиняли в глумлении над классикой... — Классика — мощный концентрат, ее все время поворачивают новой стороной, вводят в со-

временное пространство, где она приобретает новое качество. Те, кто говорит, что надо ставить по книге от и до — хотят умертвить классику. Удивительное дело, когда мы говорим о Шекспире — все нормально, как дело касается русской классики, так сразу вопли: «Не тронь!» Странная интеллигентская обидчивость!

— Но почти в каждом вашем фильме затрагивается гомосексуальная тема... У вас в «Мести шута» снимался Борис Моисеев — уже некий знаковый образ. Кстати, каково с ним работать?

— Только принимая Бориса таким, каков он есть. К примеру, он органически не запоминает тексты. Мы ему суфлировали. Отсюда — медленное произношение, инфернально блуждающие глаза. Но и на этом можно строить роль.

— А насчет гомосексуализма?

— На фоне классических материалов данная тема воспринимается своеобразно. Поверьте, я читаю то, что снимаю, и многое из того, что я выплескиваю наружу, есть в классических произведениях. Я считаю, мы должны бороться за свободу всех меньшинств, но глубоко убежден, что все меньшинства — сексуальные, национальные, социальные — обязаны иметь такую степень такта, чтобы не навязывать свою психологию консервативному большинству, не расшатывать устои, иначе может произойти непредсказуемый общественный взрыв. Лично же для меня запретных тем нет.

— Вы сейчас начали работу над новым фильмом?

— По сценарию Павла Финна «Ярмарка чудес, или Шука по-московски» — о том, как в XVI веке в Москве театр скоморохов ставит сказку «По щучьему велению».